

А.М. Егоров, И.А. Егоров (Псков)

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ ПОЛЬСКОГО КОРОЛЯ СТЕФАНА БАТОРИЯ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

РАСПАД В УСЛОВИЯХ раннего Нового времени архаичной Ливонской конфедерации, совпавший с процессом усиления соседних централизованных государств, к середине XVI в. создал на территории Восточной Прибалтики своеобразный геополитический вакуум, втянувший соседние Россию, Литву, Польшу и Швецию в активную борьбу за контроль над ней¹.

Особое значение эта борьба приобрела на завершающем этапе Ливонской войны, имевшем важные последствия для дальнейшего развития русского централизованного государства, когда основным его противником стал новый король Речи Посполитой Стефан Баторий (1575–1586)².

В качестве короля и верховного главнокомандующего, Баторий начал проводить значительные организационные и тактические реформы, обратив внимание на укрепление неаристократической пехоты (так называемая избранная пехота), в которую требовал отправлять и обеспечивать оружием каждого десятого из крестьян, проживавших на королевских землях. Выбранный воин освобождался особым свидетельством от феодальных повинностей и других платежей, за что раз в год обязан был по вызову являться в определенное время на военные сборы для обучения.

В части тактических изменений за образец вполне мог быть взят достаточно передовой для XVI в. опыт русской стрелецкой пехоты. Стрельцы представляли воинское подразделение современного для того времени типа, так как почти полностью зависели от огневой силы и в источниках практически не зафиксировано ни одной попытки вооружить их пиками, еще широко распространенными в западноевропейских армиях. Согласно

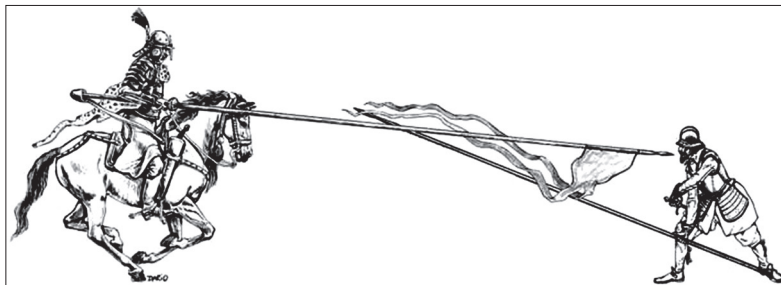

Ил. 1. Стрелецкий бой

сведениям польско-литовских очевидцев Ливонской войны, стрельцы и другие подразделения русской пехоты постоянно демонстрировали способность к упорному сопротивлению, особенно во время осад.

Основное внимание при создании «избранной» пехоты Стефана Батория, как и у стрельцов Ивана IV Грозного, уделялось огневой силе. Соответственно было уменьшено число подразделений, вооруженных холодным оружием (пиками, алебардами и боевыми топориками). В связи с тем, что реализовать проект создания постоянной армии путем набора солдат в королевских имениях полностью не удалось, нехватку пехотных контингентов Стефан Баторий старался компенсировать вербовкой немецких и других западноевропейских наемников.

Хотя реформирование пехоты, проводившееся польским королем, было важным мероприятием его военной политики, но все же по вышеуказанной причине основное различие в развитии армий России и Речи Посполитой в данный период было связано в большей степени с конницей. К июню 1579 г. задокументированная численность армии Речи Посполитой достигла 56 000 человек, из которых 25 500 были из Польши и 30 500 — из Литвы. При этом 29 741 человек служили в коннице и 11 973 бойца числились в пехоте. Таким образом, подавляющее большинство регулярной армии Батория состояло из подразделений гусаров (до 75 % от всей кавалерии), которые дополнялись казачьей конницей, литовскими татарами, венгерскими и немецкими всадниками, а также легкой конницей шляхетского ополчения.

Ил. 2. Схема атаки летучего гусара

Как показал опыт предшествующих кампаний Ливонской войны, тяжелая кавалерия западного типа³ была слишком медленной и неповоротливой по сравнению с маневренной легкой татарской конницей и дворянским конным ополчением, находившимся в распоряжении царя Ивана IV. Поэтому главную ставку в развитии своей конницы король сделал на гусар (так называемая гусария, или крылатые гусары), которые представляли собой, по сути, среднюю кавалерию. Он отказался от неповоротливых воинов в тяжелых латах, которые еще во времена Сигизмунда II Августа (великий князь литовский с 1529 г., король польский с 1530 по 1572 гг.) составляли одну треть от роты гусар.

Гусарские подразделения отличала способностью осуществлять быстрые маневры. При этом, будучи более тяжелоэкипированными и вооруженными легкими, но необычайно длинными пиками (до 6 м), они были способны на серьезные концентрированные удары в галопе по сравнению с традиционной легкой конницей. С 1576 г. в качестве вспомогательного средства летучие гусары начали снабжаться короткоствольным и длинноствольным огнестрельным оружием.

Стефан Баторий довел развитие реформированных гусарских подразделений в металлических доспехах до логического конца, сделав их ядром своей ударной полутяжелой конницы. Можно утверждать, что относительного преимущества в период своих походов против русских войск в 1579–1581 гг. король пытался достичь, прежде всего, с помощью этой конницы. В других родах войск особыми преимуществами польско-литовская армия не обладала. Русская артиллерия во время всех трех походов Батория оставалась явно сильнее, чем его собственная. Развитие пехоты противоборствующих сторон происходило в одном направлении,

с определенным опережением по численности у русской армии. К 1600 г. в русской армии насчитывалось 20 000–25 000 стрельцов, из которых 2800 служили в двадцати восьми элитных ротах, располагавшихся в Москве.

Поместная русская конница оказалась меньше затронута военными преобразованиями царя Ивана IV, хотя после 1550 г. ее вооружение и обмундирование немного улучшились. Тем не менее, по своему содержанию она по-прежнему тяготела к татарскому типу легкой конницы, которая была вооружена луками, маленькими копьями и саблями. Отличительной чертой ее тактики являлись в основном быстрые налеты и неожиданные нападения, а не крупные сражения. Единственный крупный бой в ходе торопецкой операции показал неспособность помест-

Ил. 3. Гусар. Художник Ю. Брандт, 1890 г.

ной конницы противостоять более дисциплинированным и тяжеловооруженным гусарам Стефана Батория в случае прямого боестолкновения на открытой местности.

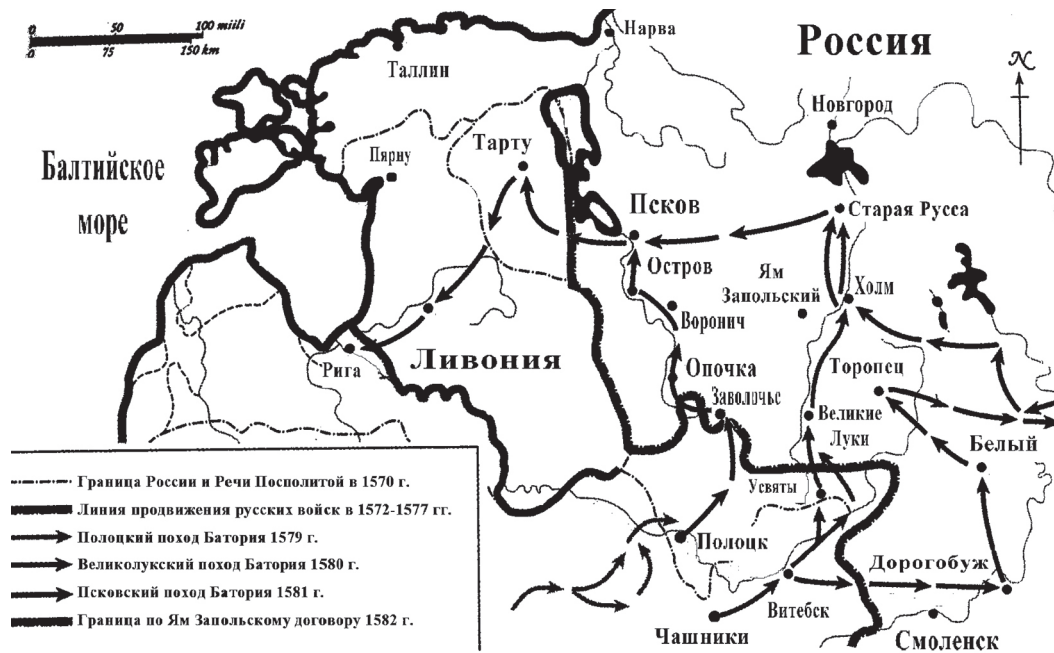
В 1579–1580 гг. русская конница предпринимала многочисленные вылазки в Литву, но кроме локальных налетов и погромов местного значения существенных результатов не достигла и ретировалась при приближении крупных сил неприятеля. Когда после падения Великих Лук русские войска готовились контратаковать Батория от Торопца силами в 4000 человек (включая одно подразделение стрельцов), он послал навстречу последним 2000 своих гусар и венгерских конников. И 20 сентября 1580 г. те, несмотря на встречный огонь стрельцов, вынудили русские силы отступить.

Ил. 4. Поход москвитян. XVI век. Художник С.В. Иванов, 1903 г.

В период Ливонской войны на боевые действия мало влияла и смена сезонов года. Хотя отдельные иностранные наблюдатели иногда пребывали в полной растерянности, не понимая, как в такой обстановке вообще можно вести войну. Например, изумленный посол Турции, оказавшийся в польском лагере под Псковом осенью-зимой 1581 г., советовал султану ни в коем случае не выводить свои войска и не испытывать их морозом. Но в период Ливонской войны такие операции для противоборствующих сторон были уже обычным делом.

Кавалерия при этом была незаменима для охраны и снабжения армии продовольствием. Осенью 1581 г. коронный гетман Ян Замойский приказал каждой гусарской роте направить на эти цели пятую часть своего состава и создать для поиска провианта группы из 120 конников. Несмотря на серьезные трудности, им регулярно удавалось снабжать провизией армию Стефана Батория, стоявшую в течение пяти месяцев под Псковом. Если бы эту осаду вела только пехота, то его люди просто бы умерли от голода. В сентябре 1581 г. в своих рейдах за фуражом польская конница проходила 40–70 км в одном направлении, подобные вылазки длились 4–6 дней. К октябрю дальность таких экспедиций достигала уже 210–280 км. В январе некоторые конные польские подразделения удалялись от стен Пскова на расстояние в 350 км и отсутствовали в лагере почти месяц. Их маршруты доходили до Пярну на западе, Нарвы и Копорья — на севере, Новгорода — на северо-востоке, Тороща и Полоцка — на юге.

Ил. 5. Походы Стефана Батория 1579–1582 гг.

Однако даже хорошо организованная конница не могла в одиночку выиграть войну, что ярко продемонстрировала героическая оборона Пскова в 1581–1582 гг. Псковский гарнизон включал по разным оценкам от 2500 до 7000 стрельцов и около 2000 конников, к которым присоединилось ополчение примерно в 10 000 человек из числа местного мужского населения. Крепостная артиллерия псковичей в ходе всей осады города постоянно беспокоила врага регулярными обстрелами, против которых гусары Стефана Батория были бессильны. Один из участников польской осады Пскова в 1581 г. так комментировал это обстоятельство: «Наши наездники подъезжали под самые стены крепости, выманивая русских, но те не хотели выходить из-под выстрелов. Стояло их у самой стены несколько сот конных и пеших; когда их теснили, они отступали к стенам и старались отстреливаться из ручниц и самопалов; а когда наши отступали, они гнались за ними, но всегда так, что оставались под защитой крепостных орудий. Пушки у них отличные и в достаточном количестве; стреляют ядрами в сорок полновесных фунтов, величиной с голову: достанется нашим батареям и насыпям»⁴.

Польскому королю удалось привести под стены Пскова не более 20 единиц тяжелых артиллерийских орудий. Пехоты у Батория также было мало, и значительная ее часть состояла из наемных иностранных наемников. Поэтому его коннице частично пришлось спешиться и спуститься в окопы и осадные траншеи для участия в штурмах крепости вместе с пехотой. Когда в декабре 1581 г. большая часть немецких наемников-пехотинцев отошла от стен Пскова, от каждой конной роты численностью 150 человек в пехоту было отправлено по семь конников, а от конных рот численностью 100 человек на службу в качестве пехотинцев перевели по пять человек. В таких условиях королю оставалось довольствоваться только блокадой⁵, которая хотя и не привела к падению города-крепости, но все же вынудила московское правительство пойти на заключение в январе 1582 г. достаточно сурового Ям-Запольского перемирия с Речью Посполитой, с условием отказа от всех русских завоеваний в Ливонии.

Тем не менее, героическая оборона Пскова сорвала более широкие завоевательные планы польского короля. Эти события хорошо известны, давно получили должную оценку как в отечественной, так и в зарубежной историографии, и не требуют дополнительных комментариев в рамках данной скромной статьи. Достаточно вспомнить замечание Н.М. Карамзина, считавшего, что своей

Ил. 6. Стрельцы. Художник С.В. Иванов, 1907 г.

героической обороной Псков «спас Россию от величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится в нашей истории, доколе мы не утратим любви к отечеству и своего имени»⁶.

Таким образом, можно вполне объективно констатировать, что результаты военной реформы Стефана Батория, ориентированной на подготовку к наступательной войне против России с использованием мобильных, хорошо вооруженных и дисциплинированных конных формирований, были в значительной степени нейтрализованы отечественной стратегией обороны, опиравшейся на широкое использование огневой силы пехоты и артиллерии.

¹ См.: Пенской В.В. Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. М.: Центрполиграф, 2017. С. 11–12.

² Егоров А. «Господи, какой большой город! Точно Париж!» Военно-политическая миссия Пскова в XVI–XVII веках // Российский исторический журнал «Родина». 2012. № 2. С. 51.

³ Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1990. P. 149.

⁴ Осада Пскова глазами иностранцев: Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.). Псков, 2005. С. 322.

⁵ См.: Псковские летописи. (Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2.) М.: Языки русской культуры, 2000. С. 263.

⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX–XII. Калуга, 1993. С. 142.